

УДК 821.161.1.

КОНЦЕПТ «КИТ-ТОТЕМ» В ПРОЗЕ ЧУКОТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ РЫТХЭУ

Жулева А. С.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького, г. Москва, Россия
E-mail: aszhuleva@mail.ru*

Статья посвящена мифопоэтике и историзму в чукотской литературе. Рассмотрены истоки и художественные приемы создания концептуального зооантропоморфного образа кита-тотема, а также историческая специфика бытования чукотской локальной мифоритуальной культуры в скрещении с миром других эпох и под влиянием инкультурации в прозе Юрия Рытхэу. Тотемизм рассматривается как культурное средство организации среды обитания общества с древних времен, а также как категория мировидения автора, художественная основа образа. Символически кит-тотем предстает метафизическим воплощением красоты и блага, а ргіогі ниспосланного свыше для содействия жизни человека. Мифопоэтика в создании образа включает разнообразные такие приемы устного народного творчества, как оборотничество, ludum (игру), мифологемы. Концепт кит –тотем, освоенный Рытхэу из мифов, обрядов, фольклора и реальной жизни формирует художественный мир текстов, создает концептосферу его разножанровых произведений на уровне смыслов.

Ключевые слова: чукотская литература, чукотский фольклор, Юрий Рытхэу, концепт, мифопоэтика, кит-тотем, историзм.

ВВЕДЕНИЕ

Проза одного из создателей чукотской литературы Юрия Рытхэу (1930–2008) представляет современному читателю традиционную культуру, историю-жизнь древнего северного народа, живущего на северо-востоке России.

Чукотские мифы и мифологические сказания, сказки, а также обряды и ритуалы реальной жизни не только активизировали создание художественных произведений, но и легли в основу развития сюжетов, создания героев авторских легенд о происхождении и начальном этапе эволюции людей, об их первопредках. Среди них «современная легенда», по определению писателя, «Когда киты уходят» Юрия Рытхэу и его рассказ-очерк «Кит», повествующие о тотемизме, происхождении прибрежных жителей Чукотки от кита и женщины.

Появление тотемизма в сознании людей у разных народов исследователями трактуется по-разному. Одно из объяснений – отражение существовавшей у первопредков тесной связи человека и природы. Чукотские писатели внесли свой вклад в подтверждение этого варианта. Как он представлен в произведении Юрия Рытхэу? Каковы истоки его создания?

Ответы на поставленные вопросы остаются в стадии поиска. О фольклорных мотивах в творчестве Ю. Рытхэу писала в своей работе «Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие)» А. В. Пошатаева [10, с. 107–115]. Северовед Ю. Г. Хазанкович в книге «Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики», рассматривая проблему трансформации и адаптивирования фольклора в прозе, соотнесла появление современной легенды Ю. Рытхэу с развитием литературного процесса в 60–80 годах XX века, отметив интерес

Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Распутина и других их современников к «натурфилософской» прозе, к мифологии и фольклору. Исследователь основательно проанализировала жанровую форму произведения Рытхэу «Когда киты уходят», рассмотрела его мифологические истоки. [17, с. 176–206]. Кроме того, появился ряд статей автора данной работы о творчестве чукотского писателя в научных журналах и сборниках, посвящена большая часть раздела книги «Три мира народов Севера» [6, с. 7–191]. Однако, локально в историко-культурном аспекте мифологический образ кита-тотема ранее не рассматривался. Этим определена **актуальность нашего исследования**.

Юрий Рытхэу в своих многочисленных произведениях, написанных на русском и чукотском языках, формировал реальную и воображаемую символическую картину мира своего народа. Создавая художественный мир, отражающий его жизнь в историческом развитии бытия, представляя мировосприятие, традиции и обычаи, он нередко наполнял нарратив авторскими вставками, раскрывающими его философские воззрения на синкретизм человека и природы. В его произведениях немало антропоморфных объектов и персонажей, свидетельствующих о существовании в прошлом тотемизма у чукотского народа. Сюжеты, мотивы, литературные образы ряда произведений наполнены мифологическим антропоморфизмом, а также зооморфизмом, оборотничеством животных, превращающихся в антропоса, и человека, превращающегося в животное, обратным оборотничеством. Одним из загадочных и сакральных персонажей предстает перед читателем кит, являющийся, согласно легендам и его устным рассказам, тотемом рода писателя.

Цель статьи – раскрыть в произведениях Юрия Рытхэу смысловую значимость кита-тотема как зооморфного, художественно-эстетического антропоморфного образа. **Задачи исследования:** выявить мировидение автора и описать отраженное в его произведениях «мышление истории» [Термин ввел А. В. Михайлов. См. об этом: 8] как аксиоматики чукотской культуры.

Для достижения цели мы опирались на труды Бахтина М. М., Михайлова А. В., Гачева Г. Д., Гацака В. М., Топоркова А. Л., Богораз-Тана В., Беликова Л. В., а также зарубежных исследователей Рассела Б., Леви-Брюля Л., Юнга К. и др.

В процессе исследования использованы историко-культурный подход, герменевтический, семиотический и биографический анализ, привлечены знания и методология смежных наук – философии, этнологии, эстетики, психологии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Родившийся в чукотском селении Уэлен, где морские зверобои еще и в 30-е – начале 40-х годов XX века жили, в основном, по законам патриархально-родового сообщества, были верны вековым традициям и обычаям, Юрий Сергеевич Рытхэу формировался под влиянием архаической духовной культуры, не без воздействия шаманизма, хорошо знал мифы и фольклор народа. Он не раз признавался современникам (писателям, журналистам), что восстановить атмосферу своего детства, определившего его мировоззрение, он не смог бы без воспоминаний о традициях устного творчества и жизненного уклада, которые окружали его.

Обращение к мифологическим образам, в том числе антропоморфным, стало одним из ключевых концептов его творчества в целом. Миф, представляя собой универсальный культурный принцип всего человечества, не подпадающий под категории времени, длительности, законченности, являющийся живой структурой, впитавшей переломы в истории человека и общества, активизировал индивидуальную творческую энергию чукотского писателя.

Следует отметить, что в жизни Рытхэу был период отрицания значимости древних чукотских мифов и фольклора. Это произошло, возможно, из-за того, что обучение на литературном факультете Ленинградского государственного университета сопровождалось активным приобщением к иной культуре. Однако, он довольно быстро осознал свою неправоту, о чем открыто признался в печати, объясняя, что сделал это «в пылу полемики». Писатель вернулся к чукотским мифам, легендам и сказкам, ставшим активными помощниками ему в развитии жанров, сюжетов и мотивов, в создании нравственно-эстетических образов.

Мифологический кит-тотем стал одним из главных персонажей повести-сказки Рытхэу «Когда киты уходят» (1975), которую он назвал «современной легендой», а исследователь А. В. Пошатаева определила ее как «сказка» [10]. Сюжет произведения построен на основе мифологических представлений живущих в Уэлене чукчей о своем происхождении, о первопредках, появившихся в результате брачного союза девушки и кита.

Источником для выбора темы и развития ее в произведении могли стать бытовавшие и записанные Владимиром Богоразом и Львом Беликовым чукотские мифы и сказки. В мифах присутствуют брачные отношения женщины и кита, представлен «китовый народ». Кит становится мужем девушки и появляется на свет сын-китенок, которого она кормит грудью. Китенок обретает какие-то человеческие черты, разговаривает с матерью на человеческом языке, но растет как кит.

В современной легенде «Когда киты уходят» фантазия уводит чукотского писателя в первовремя, и он в самом начале повести представляет картины бытия единственного человека на морской прибрежной Галечной косе – дочери Солнца Нау. Описывая восприятие посланницей Небес окружающего земного мира, писатель имплицитно выражает не только мифологические воззрения чукотского народа на появление людей на их земле, но и на возникновение и развитие естественных чувств (радости, страха, любви), осознание человеком окружающего мира и себя в нем.

Земной мир для дочери Солнца изначально был неотделим от ее самой: она «чувствовала себя одновременно упругим ветром, зеленой травой и мокрой галькой, высоким облаком и синим бездонным небом». Первая жительница прибрежной косы никогда не выделяла себя из этого мира, не смотрела на себя со стороны. И главное – она ко всему, что видела как к живому, так и безмолвному, но движущемуся и пребывающему в вечном покое, относилась одинаково ровно и спокойно. Первые эмоции возникли у Нау с появлением высокого фонтана и великана-кита с его длинным блестящим телом. Он привлекал внимание девушки тем, что останавливался у прибойной черты и поднимал волны. Кит всасывал вместе с водой красные ракушки, медуз и над его головой рождалась в водяной пыли солнечная радуга и звуки рэ-у-у-у. Эта радуга притягивала и манила к себе Нау, ей хотелось,

чтобы хоть одна капля, в которой сверкало маленькое солнце, упала на ее тело. И когда однажды Нау приблизилась к киту, он погрузил ее в фонтан. Вода фонтана оказалась такой, как она ожидала, теплой, и ее обволокли желанные солнечные лучи. И тогда у девушки появилось первое незнакомое ей чувство радости.

Радость обострила восприимчивость девушки к миру, позволила ей восхищаться и наслаждаться им. Это чувство сопровождало развитие отношений между нею и превратившимся в прекрасного юношу китом, которого она назвала Рэу, используя звуки, которые раздавались при выбросе китом фонтана. Можно предположить, что по ассоциации с этими звуками киты получили и чукотское название «рэу».

Как известно, мотив оборотничества соотносится с архаической концепцией «взаимооборачиваемости» всех сторон и проявлений действительности. Для потустороннего (т. е. относящегося к иной, обратной стороне) хтонического, запредельного мира характерна «оборотность – противоположность, начиная от ритма времени (день-ночь). Поворотами отмечается рубеж между мирами.

Поведение Рэу по отношению к Нау и в образе кита, и в облике мужчины соответствовало знакам внимания влюбленного человека. Его действия представляли собой целый комплекс игровых приемов, которые позволили девушке уменьшить возникший страх и не только присмотреться, но и увлечься, испытать большую любовь.

Великая Любовь соединила героев, наполнив их счастьем, «нечто высокое и вечное горело с постоянством и силой летнего незаходящего солнца». Но по вечерам мужчина Рэу уходил в море и, превращаясь в кита, возвращался в стаю. С наступлением холодов он не оставил Нау, несмотря на сопротивление братьев-китов. Построив жилище, стал жить новой жизнью, жизнью людей, и ждать потомства. Дети, родившиеся весной, были китятами, о которых женщина заботилась и кормила грудью. К осени их пришлось выпустить из лагуны в море, и они уплыли со стаей китов. Весной следующего года у необычной семейной пары родились дети-люди. Рэу передавал детям любовь к братьям-китам как родственникам. Вместе с мальчиками он приходил к морю и пел: «Киты и люди – один народ! Мы братья моря и земли! И рождены для вечной дружбы!» [12, с. 457]. И это благотворно отражалось на бытовании первого человеческого рода, преодолении катаклизмов в суровых условиях Севера. Братья-киты подгоняли людям моржей и тюленей к берегу, способствуя добыче.

Превратившись в человека, Рэу стал образцом идеального мужчины, быстро достигшим стадии эволюции homo sapiens. Великая Любовь к Нау и детям мистически превратила его в ответственного, умелого, мудрого мужа и отца. Он изготовил лук и стрелы для охоты, кожаную лодку с парусом, построил ярангу, покрыв вбитые в землю кольца моржовой шкурой. Занимался физической и духовной подготовкой потомков к жизни.

Для усиления значимости метафоры *Великая Любовь* Рытхэу включил монолог-завещание Рэу, постаревшего и собравшегося уйти «в вечность сквозь облака, но по морской дороге». Своим к тому времени многочисленным детям и внукам он дал наказ: «Мы пришли на землю, потому что есть высшее проявление живого – Великая Любовь. Она сделала нас людьми, сделала меня человеком. И если вы будете любить

друг друга, любить своих братьев, вы всегда будете оставаться людьми... Любовь всесуща» [12, с. 458].

Увлеченный теориями возникновения моральных императивов, Рытхэу на примере отношения потомков к киту-первопредку проводит мысль о том, что изначально именно Любовь была основой разумной организации жизни, в том числе семейной, в сложных условиях Севера.

Автор-рассказчик выделяет сентенцию: Великая Любовь соединила кита и человека. В своем исследовании эпических традиций в прозе народов Севера Ю. Г. Хазанкович представляет своеобразный вариант обоснования единения кита и женщины «Эпизод физического слияния Нау и Рэу восходит, на наш взгляд, к мифологическому сюжету о “новом рождении”» [17, с. 187].

Рэу не был бессмертен, с его уходом в иной мир завершается первая из трех частей повести-сказки. Эта часть представляет собой поэтически изложенный миф. Во второй и третьей частях изображена в художественной форме историческая смена поколений чукотского народа.

Для своеобразного эксперимента по проверке вечности Великой Любви к предкам как морального принципа среди людей автор наделяет бессмертием прародительницу Нау. Оставшись вдовой, женщина становится наставницей и покровительницей человеческого рода. Она постоянно поддерживает в памяти новых поколений легенду о перевоплощении их предка кита, убеждая, что в каждом из них есть кровь и частица духа тотема. Больше того, постоянно подчеркивает то, что киты издревле оказывают прямое влияние на изобилие морских животных около Галечной косы, способствуют удаче на охоте, обеспечивая сытую жизнь людям. Намекает, что нарушение запрета их первопредка может привести и ее к гибели.

Однако со сменой поколений постепенно уходит почтительное отношение к Нау и ее наставлениям. Нередко она слышит пренебрежительные слова о родстве людей и китов и недовольство запретом охотиться на них. Вопреки запретам честолобивый, уверенный в безнаказанности, наполненный нравственным скептицизмом охотник Армагыргин изранил и загарпунил одного из безмятежно плававших вдоль берега китов. Возвращаясь домой, охотник услышал около одной из яранг стон Нау и упрек ее в том, что он убил брата. И как результат злодейства – той же ночью Вечно Живущая Нау ушла сквозь облака. А наутро на берегу вместо кита увидели неживого человека. Вдалеке же не было видно ни одного кита. Они ушли. Таково трагическое завершение жизни Прародительницы. С уходом Великой Любви закончилось ее бессмертие.

Выстраивая на основе чукотских мифов, легенд и фольклора зооантропоморфную модель истории появления первых людей на своей родовой территории, благодаря, в первую очередь, образам первопредков, Рытхэу сознательно или бессознательно использовал, как уже отмечалось, установки своего мифологического мировидения, генетически обретенного и освоенного в детстве. Об этом он не раз писал в статьях, а также рассказал в книге «Дорожный лексикон».

Автор написал эту книгу в конце жизни, после возвращения из Дании, где жил вместе с женой у своей дочери в течение десяти лет. Рукопись Рытхэу закончил, но

не успел «отшлифовать» и подготовить к изданию. Это сделали сотрудники редакции журнала «Звезда», и посмертная книга Рытхэу «Дорожный лексикон» вышла 2010 г.

Написанная в духе постмодернизма, книга «Дорожный лексикон» своеобразна по форме и художественному стилю. Выстроенные на смешении авторского сознания с сознанием героя-рассказчика, на пересечении настоящего с прошлым, видимого с потаенным, рассказы, очерки-портреты представляют читателю картины жизни чукотского народа в историческом развитии бытия. Автор, выражая собственное отношение к истории, традициям, устному народному творчеству, создал своеобразные литературные образы порой очеркового типа, нередко обращаясь к уже имеющимся в других своих произведениях описаниям, фрагментам.

Художественно-эстетический антропоморфизм в рассказе-очерке Рытхэу «Кит» из «Дорожного лексикона» актуализируется посредством включенной в него легенды о происхождении чукотского народа, описания собственного участия автора в детские годы в охоте на кита в качестве помощника, благодаря воспоминаниям о торжественной встрече жителями селения охотников с добытым китом, о народном празднике-карнавале. Завязкой стало представление читателю этого удивительного морского зверя, вошедшего с древнейших времен в жизнь приморских арктических жителей Северо-Востока Азии. Автор отмечает, что чукотский народ выделял много разных видов китов и давал им «свое обозначение». Здесь он использует общее название кита – рьэу. Для того, чтобы выделить значимость самого большого морского млекопитающего животного для прибрежных жителей, автор знакомит читателя с практическим применением жителями не только китового мяса и жира, но и китового уса, из которого изготавливали полозья для нарт, рыболовные лески. Огромные челюсти чукчи использовали для жилища, поскольку, по мнению автора, своим изгибом они как бы специально были приспособлены, чтобы из них создавать конический свод яранги, противостоящий любому ураганному ветру. Прагматизм и мудрость народа проявляется не только в умении ценить добычу, но и в бережном отношении к животному миру. Добывать можно было только необходимое для выживания человека количество как морского зверя, так и других животных.

Автор, включив в текст рассказа-очерка эпизод из личной жизни, образно представил читателю вариант восприятия процесса аккультурации, изменения мировоззренческих представлений у чукотского народа в первой половине XX в. Узнав в школе о происхождении людей не от кита (в чем он был уверен прежде), а от обезьяны, мальчик, герой рассказа, всматриваясь в снимок обезьяны, был очень огорчен и не поверил в родство с нею. Его бабушка, услышав от школьника дарвиновскую версию происхождения, стала уточнять, кто был по национальности этот ученый, и предположила, что, возможно, его народ и произошел от обезьяны. Она укоренила свое твердое мнение в сознании внука словами: «Но ты-то знаешь, кто твой настоящий предок – Кит Рьэу!» [13, с. 138].

Добычу кита-тотема, пишет Рытхэу, чукчи воспринимали как великое жертвоприношение китовой стаи, их щедрый дар человеку-сородичу. Предполагалось, что пребывающие недалеко киты слышат звуки бубна и содержание песен во время «праздника кита». Их исполнял лучший из шаманов, певец и знаток древних обычаев. Он произносил слова ответной благодарности и обращался с

просьбой о прощении за убийство кита. Для китов и моря был приготовлен ответный дар – кусочки оленьего мяса. Автор описывает в рассказе-очерке «Кит» воспоминания о чествовании добытчиков и почитании китов-тотемов в 40–50-е гг. XX в. Это происходило в самом большом классе уэленской школы, в которой учился Рытхэу. Однако в памяти писателя всплывают и другие картины, навеянные рассказами близких родственников и сородичей о «Празднике Кита». В более давние времена праздник кита проходил в специальной яранге, которая называлась «клегран» – дословно «мужской дом». Там под крышей из моржовой кожи были развешены фигуры китов и других морских животных, птиц, звучали песни, которые, как представлялось автору, были сочинены далекими предками «возможно, помнившими прапродителя чукотского народа великого Ръэу – Кита, превратившегося в человека».

ВЫВОДЫ

– Концепт «кит-тотем» реализует в произведениях Ю. Рытхэу авторскую парадигму становления и развития древней традиционной чукотской культуры как мифоритуальной, организующей духовную и материальную жизнь этноса. В частности, кит-тотем художественно воплощает идею приобщения к Великой Любви, выполняющей прогрессивные функции в обществе.

– Опираясь на философские воззрения, обретенные в процессе инкультурации, Рытхэу представляет в легенде исторический процесс воплощения советов-рекомендаций, «наказов» кита-первопредка уже как отражение воли и влияния отдельных личностей на формирование коллективных воззрений, в том числе негативных. Перед нами вариант свидетельства сложного пути развития чукотской культуры, его нелинейности.

– Для создания образа кита-тотема, ряда других образов, развития сюжета современной легенды автором привлечены архетипы, мифологемы, а также как реальные жизненные ситуации, так и мифологические и фольклорные реминисценции. Символика этнопоэтики сопряжена с чукотскими традициями, ритуалами, мировидением, житейскими идеями и эмпириями, вещественным и духовным.

Художественно изображая далекое историческое время своего народа при поддержке мифологических образов первопредков, в том числе кита-тотема, Рытхэу активизировал и передал потомкам традиционные нравственные начала, послужившие основой человеческого общества, выделил, в частности, актуальность моральных императивов в условиях этического релятивизма.

Соединяя фантастическое и реальное, сознательное и бессознательное, прошлое и настоящее, чукотский писатель создал своеобразный, наполненный таинственностью и глубоким смыслом мифопоэтический образ, приобщающий к миру идеальных ценностей и наталкивающий на размышления о национальных культурных традициях чукотского народа, об их непростом историческом пути.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Эксмо-Пресс, 2014. – 704 с.
2. Беликов, Л. В. Устное народное творчество // История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / Л. В. Беликов. - Л.: Наука, 1987. – 287 с. – С. 251–260.
3. Богораз–Тан, В. Г. Чукчи. Т.2. Религия / В. Г. Богораз–Тан. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 369 с.
4. Гачев, Г. Национальные образы мира/ Г. Д. Гачев. - М.: Советский писатель, 1988. – 444 с.
5. Гацак, В. М. Устная поэтическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики / В. М. Гацак. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
6. Жулева, А. С. Три мира народов Севера. Литературные образы / А. С. Жулева. – М.: Филинь, 2020. – 394 с.
7. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
8. Михайлов, А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика / А. В. Михайлов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 560 с.
9. Огрызко, В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Библиографический справочник. Часть 2 / В. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 1999. - 545 с.
10. Пошатаева, А. В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие) / А. В. Пошатаева. – М.: Наука, 1988. – 168 с.
11. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. - М.: АСТ, 2016. – 1024 с.
12. Рытхэу, Ю. С. Когда киты уходят // Рытхэу Ю. С. Полярный круг / Ю. Рытхэу. – Л.: Советский писатель, 1983. – С. 438–515.
13. Рытхэу, Ю. С. Дорожный лексикон / Ю. С. Рытхэу. – СПб.: Журнал «Звезда», 2010. – 520 с.
14. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. - М.: Наука, 1974. – 154 с.
15. Султанов, К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект / К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.
16. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 1997. – 455 с.
17. Хазанкович, Ю. Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики / Ю. Г. Хазанкович. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 416 с.

References

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennsansa* [Creativity of François Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2014. 704 p.
2. Belikov L. V. *Ustnoe Narodnoe Tvorchestvo* [Oral Folk Art]. *Istoriya i Kul'tura Chukchej. Istoriko-etnograficheskie Oчерki*. L.: Nauka Publ., 1987, pp. 251–260.
3. Bogoraz–Tan V. G. *Chukchi. T.2. Religiya* [Chukchi. Vol. 2. Religion]. Moscow: Izd-vo Glavsevmorputi Publ., 1939. 369 p.
4. Gachev G. *Nacional'nye Obrazy Mira* [National Images of the World] Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 444 p.
5. Gacak V. M. *Ustnaya Pojeticheskaya Tradiciya vo Vremeni. Istoricheskoe Issledovanie Pojetiki* [Oral Poetic Tradition in Time. Historical Research of Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 254 p.
6. Zhuleva A. S. *Tri Mira Narodov Severa. Literaturnye Obrazy* [Three Worlds of the Peoples of the North. Literary Images]. Moscow: Filintvz Publ., 2020. 394 p.

7. Levi-Bryul' L. *Sverhtvzestestvennoe v Pervobytnom Myshlenii* [The Supernatural in Primitive Thinking]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1992. 602 p.
8. Mihajlov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya Poetika i Germenevtika* [Favorites. Historical Poetics and Hermeneutics]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 2006. 560 p.
9. Ogryzko V. V. *Pisateli i Literaturnyye Malochislennyye Narody Severa i Dal'nego Vostoka. Biobibliograficheskij Spravochnik. Chast' 2* [Writers of Small Peoples of the North and the Far East. Biobibliographic Reference. Part 2]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 1989. 545 p.
10. Poshataeva A. V. *Literaturnyye Malochislennyye Narody Severa (Istoki. Stanovlenie. Razvitiye)* [Literature of the Peoples of the North (Sources. Becoming. Development)]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 168 p.
11. Rassel B. *Istoriya Zapadnoy Filosofii* [History of Western Philosophy]. Moscow: AST Publ., 2016. 1024 p.
12. Rythjeu Yu. S. *Kogda Kity Uhodyat* [When the Whales Go]. *Polyarnyy krug*. L.: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983, pp. 438–515.
13. Rythjeu Yu. S. *Dorozhnyi Leksikon* [Road Lexicon]. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda» Publ., 2010. 520 p.
14. *Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki* [Fairy tales and myths of peoples of Chukotka and Kamchatka]. M.: Nauka Publ., 1974. 154 p.
15. Sultanov K. K. *Ugol Prelomleniya. Literatura i Identichnost': Kommunikativnyy Aspekt* [The Angle of Refraction. Literature and Identity: a Communicative Aspect]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2019. 352 p.
16. Toporkov A. L. *Teoriya Mifa v Russkoj Filologicheskoy Nauke* [The Theory of Myth in Russian Philological Science]. Moscow: Indrik Publ., 1997. 455 p.
17. Khazankovich Yu. G. *Jepicheskie Tradicii v Proze Korennykh Malochislennyykh Narodov Arktiki* [Epic Traditions in the Prose of the Indigenous Small Peoples of the Arctic]. Moscow: FLINTA Publ., 2019. 416 p.

THE CONCEPT OF A WHALE-TOTEM IN THE PROSE OF THE CHUKCHI WRITER YURI RYTHEU

Zhuleva A. S.

The article is devoted to mythopoetics and historicism in the Chukchi literature. The sources and artistic techniques of creating a conceptual zoanthropomorphic image of a totem-whale are considered, as well as the historical specifics of the existence of the Chukchi local mythological culture in crossing with the world of other epochs and under the influence of inculturation in the prose of Yuri Rytheu. Totemism is considered as a cultural means of organizing the habitat of society since ancient times, as well as a category of the author's worldview, the artistic basis of the image. Symbolically, the whale-totem appears as a metaphysical embodiment of beauty and goodness, a priori sent from above to promote human life. Mythopoetics in creating an image includes a variety of such methods of oral folk art as werewolf, ludum (game), mythologems. The concept of a whale-totem, mastered by Rytheu from myths, rituals, folklore and real life, forms the artistic world of texts, creates the conceptual sphere of his multi-genre works at the level of meanings.

Keywords: Chukchi literature, Chukchi folklore, Yuri Rytkheu, concept, mythopoetics, kit-totem, historicism.